

Юрий Сушко

ВЫСОЦКИЙ
ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ

Москва
Издательство АСТ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С89

Сушко Ю.М.
С89 **Высоцкий. По-над пропастью / Юрий Сушко. —**
Москва: Издательство АСТ, 2017. — 576 с. — (Моя био-
графия).

ISBN 978-5-17-103879-3

Кем же был Владимир Высоцкий? Гениальный поэт, хулиган, бабник, экзальтированный циник, нежный романтик, великий исполнитель, алкоголик и наркоман, блестящий артист — кто он? Творческие взлеты и падения, невероятная популярность, безумная любовь, агрессия — все этапы его жизни до сих пор вызывают множество споров. Каковы на самом деле были отношения с Мариной Влади? В чем причина расставания с первой женой Изой? Кто были его настоящие друзья, а кто — враги и предатели? Действительно ли его смерть случайна, или...? Он один отвечал за всех. Он не врал. Его творчество близко каждому и в то же время всегда очень лично... В этой книге — горести и радости, стихи и любовь поэта, актера и просто великого человека Владимира Высоцкого.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ОТ АВТОРА

С легкой руки критика Натальи Крымовой Владимира Семеновича Высоцкого нарекли поэтом, рожденным театром. Но разве только театром?.. Иное определение: «Поэт, рожденный жизнью» — пожалуй, более верно. Еще от Сергея Радонежского укоренилось понятие ж и з н е т в о р ч е с т в а. Идеальная характеристика Высоцкому. Предводитель собственной судьбы, он наслаивал жизнь вокруг себя.

Иначе невозможно представить очень сложную, но естественную формулу переплава биографии в творчество. Когда недописанное дополняется самой жизнью, просто мужской позицией, и наоборот — непережитое выплескивается на бумагу или в отчаянный крик на подмостках. Он шел наперекор утверждению, что поэт — не человек поступка, а человек слова, которое и есть поступок.

Своей простой и емкой строчкой — «Но родился, и жил я, и выжил...» — Высоцкий невольно подсказал структуру книги о нем самом. Хотя частенько недоумевал: «Да зачем вам факты моей биографии? Кому это интересно — родился, жил? В моей жизни были другие моменты, которые для меня гораздо важнее... Вообще-то, я предпочитаю не рассказывать свою биографию, и не потому, что в ней есть нечто такое, что я хочу скрыть, нет, а просто потому, что это малоинтересно. Интереснее говорить про то, что я успел сделать за это время, а не про то, что успел прожить».

...Тогда, поздним апрельским вечером 1978 года, при нашей первой встрече, вконец измученный после концерта, многокилометровых перелетов-переездов, выступлений, вынужденных знакомств, разговоров, которыми был перенасыщен этот чересчур долгий день, у него не было никакого желания еще с кем-либо общаться, улыбаться, отвечать на вопросы. Хотелось бы выпить хорошего чая («Вань, давай-ка чайку покрепче!» — попросил он Бортника, чтобы хоть чуть-чуть успокоить воспаленные, ноющие связки), уединиться (знал, скоро этого не будет). А не получалось — не беда, он умел незаметно для окружающих, даже в привычном шуме-гаме, в одиночку погружаться в блаженную тишину и умиротворение, создавая иллюзию покоя, о т с у т с т в о в а т ь. Он не был эгоистом в прямом смысле слова. Просто умел сосредоточиться, прислушаться к себе.

— ...Из газеты? Есть вопросы? — спросил он меня. — Так я ведь вроде бы и так обо всем рассказываю, ничего не таю. И в песнях, и во время выступлений... У меня даже стихи такие были: *«А что имел в виду, то написал. Вот, вывернул карманы, — убедитесь!»* Не слышал?.. Я их, правда, не исполняю, мало кто знает... Но, вопросы, как я понимаю, остаются?..

— Да, конечно. И много.

— Ну ладно, поговорим...

А засим согласимся с мнением Александра Герцена: «Биография сочинителя есть драгоценный комментарий к его сочинениям».

«ЖИЛ Я СЛАВНО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ — ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НА БЕЛОМ СВЕТЕ...»

«ЧАС ЗАЧАТЬЯ Я ПОМНЮ НЕТОЧНО...»

— ...Володь, ну ты идешь или как? — уже выходя, спросил Смехов. — Все разбежались.

— Да-да, сейчас, — отозвался Высоцкий, — ты, Вень, шагай, я догоню...

Когда гримерка опустела, он взял со столика наспех сброшюрованные листки сценария. Явно не первый экземпляр, текст совсем бледный. Зато титул отпечатан четко — «Геннадий Шпаликов. Я родом из детства». В уголке первой страницы автор, видимо, для памяти ручкой пометил: «Беларусьфильм», Витя Туров, телефон...»

Владимир прочел первый абзац: «Это будет фильм о детстве поколения, к которому так или иначе принадлежат все эти люди. Детство у них было разное, но в чем-то удивительно похожее, может быть, потому, что у всех в детстве была война. Они, как смогли, как сумели, разделили испытания, выпавшие на долю их народа, страны...»

Он знал, что Генка никогда не напишет слабый сценарий, просто неспособен на это. Но всегда почему-то считал, что тема Шпаликова — московские улицы и дворы наших дней. Хотя разве война — это уже не наши дни? Ведь ты же сам не можешь и не хочешь уйти от этой темы, вечной, как любовь, как жизнь, как смерть. Война скребет тебя за душу и не дает покоя? Да. Стало быть, фильм о нас и для нас. Вот как совпало...

* * *

Этот роковой год, когда вырубалось все лучшее в народе, безмерно трагический 1938 год все-таки рождал жизнь, а значит, и надежду. «Но родился!..» — победоносно заявил о себе Владимир Высоцкий.

В о п р е к и всему родился поэт. И он не сетовал на время, напротив, благодарил: *«Спасибо вам, святители, что плюнули да дунули, что вдруг мои родители зачать меня задумали...»*

Родись он на десяток лет раньше, глядишь — угодил бы в лагерь, на десять позже — не осознал бы, что виноват перед теми, кто не вернулся, и не спел бы о них. Сама дата его рождения реабилитирует — пусть хотя перед вечностью — эпоху, *«когда срока огромные брели в этапы длинные».*

Генеалогические изыскания у нас, увы, были не в чести, считались занятием праздным, несерьезным и ничемным. А подчас вредным и опасным, когда лучше было не знать, кем были твои деды-прадеды, чего добились в этой жизни, какими орденами награждались, каких титулов достаивались...

Подлинными знатоками родословных были лишь кадровики и те «кому положено». Отрицая генетику, анонимные разработчики многочисленных анкет жестко требовали без утайки ответить на вопросы, кто из родственников в годы Отечественной войны находился на оккупированной территории, кто в плену, кто из близких проживал или проживает за границей. А чуть ранее настойчиво интересовались участием твоих предков в Октябрьской революции и белом движении...

* * *

— ...Явилась? — равнодушно спросила у Нины дежурная нянечка в приемном покое. — Сама, что ли, пришла?

— Здравствуйте, — робко поздоровалась Нина. — Да, сама. Муж, знаете, в командировке. Он у меня военный... И я вот...

— А что, уже началось? — деловито осведомилась нянечка.

— Да не знаю, вроде бы нет.

— Ну, а чего ж тогда пришла?

— Так врачи говорили, ждать 12-го...

— Ну и ждала бы себе. Ладно, иди к доктору, там сегодня Ида Семеновна дежурит. Она посмотрит, скажет...

Врач приняла будущую маму ласково, осмотрела, успокоила: «Рано, милая, рано. Срок еще не подошел. Будем ждать. Вас как звать-то? Нина? А фамилия? Высоцкая? Хорошо, я в карточке отметку сделаю. А пока идите себе спокойно домой. Идти-то хоть недалеко?»

— Недалеко, — сказала Нина, — на соседнюю улицу, 1-ю Мещанскую.

Она попрощалась и вышла на улицу. Бр-р-р, холодно! Январь накатиł морозами. Отошла немного, оглянулась: Екатерининский роддом — дом родной. Улыбнулась ка-ламбуру. А что, Екатерининка для их семьи и впрямь, как семейный родильный дом. В год его открытия — в 1909-м — мама тут Надю родила, Нинину сестру. Через двадцать лет уже Надюшка — своего первенца, Вовку. Теперь пришел ее, Нинин, черед. Только врачи говорят, рано, надо подождать.

В следующий поход в роддом ее с Семеном провожали соседи и подружки. Напутствовали: «Встретите женщину — родится девочка, ну, а мужика — стало быть, мальчик». У дверей подъезда столкнулись со знакомой, которая возвращалась домой после ночной смены. Семен начал нервничать: «Это еще ни о чем не говорит! Бабские приметы... Сына родишь — куплю тебе часы на руку». Ей, правда, так хотелось девочку. Даже имя придумала — Алиса. Как у Кэррола — «Алиса в стране чудес»...

25-го января, уже после родов, в палату заглянула улыбчивая медсестричка:

— Ну, поздравляю, мамаша! Малыш замечательный. Толстенький — четыре килограмма вытянул. Рост — полметра с хвостиком.

— И каков же хвостик?

— Прибавь еще два сантиметра.

- А во сколько я родила?
- Для истории, что ли?
- Ну, вроде того.
- В 9.40. Запомнила?
- Запомнила.
- Мужу что передать?
- Пусть покупает часы!

Но часы он ей так и не купил...

Надо ж было такому случиться: в день, когда Нину с новорожденным надо было забирать из роддома, дела погнало счастливого отца далеко от Москвы. Что попишешь, армейская служба. Не беда, Алешка поможет. Нина знала, что на брата мужа можно было положиться.

К выписке Алексей Высоцкий успел впритык. Когда вышли на улицу, мороз даже не почувствовали — было безветренно. Нина Максимовна и Алексей с малышом на руках шли медленно, осторожно, боясь поскользнуться. Хоть и были тротуары щедро посыпаны песком с солью, но мальчишки уже повсюду успели раскатать едва угадываемые под снегом ледовые дорожки. Даже взрослых тянуло с разбегу прокатиться по этим длинным темным зеркалам.

Вот и Вовочка будет, наверное, тут кататься, думала Нина. Хотя нет, ведь рядом каток. Нечего ему тут, на улице, болтаться, того и гляди, на дорогу попадет. Она усмехнулась сама себе: «Вот глупая, ребяенок еще и слово «мама» сказать не успел, а я своего Володеньку уже на каток собираю...»

Вова, Володенька, Владимир — Владыка мира... Сколько споров чуть ни с осени 1937-го велось вокруг имени будущего москвича. И не только в семье Высоцких, и не только жарким ночным шепотом, но и на кухне, и в застолье шумных Семеновых друзей. Извлекались на свет Божий захватанные святцы, перелистывались страница за страницей: «Александр — мужественный помощник... Андрей — просто мужественный... Афанасий — бессмертный... Как тебе? — Ага, еще чего: Афоня?.. Нет уж. Ну, Василий — царь... Виктор — побе-

«Жил я славно в первой трети — двадцать лет на белом свете...»

дитель... О, давайте назовем Сосипатром, мне нравится! — Да ну тебя, что за дурацкие шутки!..»

Перед отъездом в командировку Семен Владимирович проявил характер и твердо сказал жене: «Будет сын, назови Владимиром. В честь моего отца и твоего младшего брата. Хорошее имя...»

А тут еще и траурные ленинские дни подоспели. Тоже повод. Все один к одному.

Нина Максимовна коснулась варежкой кармана пальто, где была трогательная поздравительная открытка, которую ей вручили с первой же передачей в роддом 26-го, кажется, января.

«Мы, соседи, — писал 12-летний сын Гиси Моисеевны Миша Яковлев, — поздравляем Вас с рождением нового гражданина СССР и всем миром решили назвать Вашего сына Олегом. Олег — предводитель Киевского государства!..» Вот как — «всем миром»...

Наконец добрались. Вот она, 1-я Мещанская, 126-й дом. Три высоченных этажа, толстые каменные стены. До революции тут размещались меблированные комнаты доходного дома «Наталис», принимавшего приезжих с Балтийского (раньше Виндавского) вокзала. Старый дом прочной кладки, только отапливался из рук вон плохо. Жильцы временные, транзитные — народец неприветливый, им бы голову куда было приклонить вечером после дневной беготни по столичным конторам, бутылочку раздавить да дамочку с привокзальной площади приглубить, а там — хоть трава не расти! Но как быть тем, для кого в бывшем «Наталисе» создали коммунальный «рай»? Где трубы текли, стены цвели и ветшали, где *«было солнце в три луча, сквозь дыры крыши просеяно...»*?.. А когда на кухне, пусть даже большой и с высоченными потолками, у плит за стиркой и готовкой разом собирались все хозяйки — от чада и гама хоть беги!

На стенах желтели рукописные объявления об очередности жильцов по уборке «мест общего пользования», а в воздухе витал неистребимый запах полунищеты, который изредка перебивался слабым ароматом «Красной

Москвы» и мощью тройного одеколона. Зато для ребятни в длинном коридоре было раздолье, кабы не ворчанье взрослых, то хоть в футбол гоняй! Правда, в углах угрожающими гроздьями висели санки, лыжи, корыта, а под потолками на веревках не просыхало чье-то белье, с которого, как с сосулек под солнцем, вечно капала вода.

Но ничего, жить можно.

Как только Высоцкие появились на пороге своей густонаселенной квартиры № 4, в коридор высыпали соседи встречать новосела Олега-Алика. Когда выяснилось, что новорожденному уже дали имя Владимир, детвора опечалилась. Голенастая девчужка, которая прямо у входа вручила Нине Максимовне вышитую подушечку для малыша, подумав, подарок отобрала.

На первых порах молодой маме с маленьким сыном было, конечно, непросто. Муж постоянно в разъездах — то на сборах, то в летних лагерях... Не свекру же пеленки вываривать?! Крутиться надо, чтобы все успеть — и накормить, и обстирать, и в магазине очередь отстоять, и на курсы немецкого в комбинате иностранных языков не опоздать, и гидом в «Интуристе» хоть копейку лишнюю заработать, и... А лет-то ей всего лишь двадцать шесть, Господи! Несправедливо тусклая и скучная выходила жизнь у молодой женщины.

...Подводя итоги полевых занятий, командир части отметил усердие молодого связиста лейтенанта Высоцкого и даже полюбопытствовал ради душевности разговора: «Как там твой наследник, растет? Солдаты Родине нужны». — «Все в порядке!» — «Хорошо. Завтра политзанятия, не забудь». — «Так точно!»

Не дозвонившись домой в Москву, Семен вернулся в казарму, развернул вчерашний номер «Правды». Так, речь товарища Л.П. Берии на митинге трудящихся Тбилиси: «Ликующий грузинский народ бесконечно счастлив тем, что получил согласие великого Сталина баллотироваться; бесконечно счастлив тем, что первым депутатом Верховного Совета Грузинской ССР будет тот, кто первым поднял в Грузии знамя борьбы за свободную радостную

«Жил я славно в первой трети — двадцать лет на белом свете...»

жизнь!» Долго не смолкающие аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует наш родной отец и учитель!», «Ура!»...»

Но Нина продолжала мечтать о доченьке. «У меня от мамы был сундук со старинными вещами. А у Вовочки длинные волосы кудрявые по плечам, я ему надевала берет какой-нибудь со страусовым пером, платье дамское, сумочку в руки. И он в таком виде ко всем ходил, всех веселил...»

Она порой до слез завидовала подругам, которым в домашних хлопотах на помощь приходили родные люди. А на кого ей рассчитывать? Ее родители до рождения внука не дожили. Свекр, отец Семена, какой с него спрос? Он у нас аристократ, как-никак три высших образования — юридическое, экономическое и химическое. Да и дедом-то себя он называть не позволял. Дальняя родня шушукалась меж собой, считая его феноменальным эгоистом и плохим евреем. Правда, никто не смел отрицать, что Владимир Семенович Высоцкий-старший был человеком долга.

«Родился я в 1915 году в Киеве, — обычно писал в автобиографии Семен Владимирович Высоцкий. — Мой отец родился в 1889 году в Брест-Литовске в семье учителя, преподававшего русский язык... Родители развелись, мама живет в Киеве, работает косметологом. Переехав в Москву с отцом, я учился в техникуме связи, который закончил в 1936 году. В техникуме прошел курс вневойсковой военной подготовки, получил звание младшего лейтенанта. С марта 1941 года — на военной службе...»

Отец Нины — Максим Иванович Серегин — был родом из села Огарева Тульской губернии, приехал в столичный град в 14 лет, подносил чемоданы господам купцам у гостиниц, а с годами поднялся до ливрейного швейцара. Служил в разных гостиницах: в «Марселе» на углу Петровки и Столешникова переулка, затем в «Новомосковской», в «Фантазии» на Земляном валу. Где-то на московских улочках встретил он симпатичную девчущку Дуню Синотову, приехавшую в гости к старшей сестре из деревушки Утица, что у славного Бородинского поля.

Шумная, необъятная и тесная Москва уверенно подтолкнула друг к другу двух робких провинциалов в поисках хоть какой-то более-менее надежной опоры в круговерти городской жизни. Родилось у них 12 детей, но выжило лишь пятеро.

Нина появилась на свет в 1912 году. После смерти родителей занималась воспитанием младшего брата. Окончив комбинат иностранных языков, работала референтом-переводчиком с немецкого в иностранном отделе ВЦСПС, гидом в «Интуристе».

Судя по воспоминаниям близких, Володино детство, обутое и одетое, обогретое любовью, заботой и лаской родных и соседей, канонически выглядит вполне благополучным, безоблачным и благостным.

«К полутора годам отросли светлые волосы, они были густые и закручивались на концах в локоны. Синие в младенчестве, а позднее — серо-зеленые глаза смотрели внимательно...», — рассказывала мама.

«Я увидела сидящего на деревянном коне-качалке мальчика. Челка, ниспадающие к плечам крупные локоны. Поразили глаза: широко распахнутые, лучистые. И очень пытливые...» — вспоминала тетушка.

Ни дать ни взять — вылитый юный ангелочек Володюшка Ульянов, лучезарно улыбающийся нам с октябрянского значка. А ведь за подобные сусальные образа «здоровый трехлетка» мог бы и по сусалам...

*Их — всех, с кем вел я доброе соседство, —
Свидетелями выведут на суд.
Обычное мое босое детство
Обуют и в скрижали занесут, —*

предчувствовал поэт Высоцкий, как станут вспоминать о нем мемуаристы.

«Раннее детство протекало довольно спокойно, — рассказывала Нина Максимовна. — Весной мы выезжали за город, на дачу или в деревню. Остальное время жили в своей квартире... В доме была коридорная система...

«Жил я славно в первой трети — двадцать лет на белом свете...»

Коридоры широкие, светлые, большая кухня с газовыми плитами, где готовились обеды, общались друг с другом хозяйки, производились стирки, а в коридоре играли дети. Народ в нашем доме был в основном хороший, отзывчивый, почти в каждой семье было несколько детей. Мы тесно общались семьями, устраивали совместные обеды и чаепития, в трудные минуты не оставляли человека без внимания, случалось, и ночами дежурили по очереди у постели больного.

В праздничные дни... устраивались представления и концерты. Действующими лицами были дети. Володя тоже принимал в них участие. У него была прекрасная память, он выучивал длинные стихи, песни, частушки, прекрасно и выразительно читал их...»

Но, видимо, именно прекрасная память не позволила Владимиру Высоцкому забыть, а позже спеть и заставить слушателей поверить именно его «Балладе о детстве», где тоже поминалась «система коридорная», и соседи, но уже с несколько иным, суровым и строгим, чуть ли не лагерным подтекстом:

*В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого...*

Родным помнились лишь милые сердцу картинки, детские шалости, легкая картавость, кудри, румянец во все щеки, природная склонность к стихосложению и раннее остроумие малыша.

Мама рассказывала: «Рос очень забавным мальчиком. Однажды к нам пришли друзья Семена Владимировича, который встретил их на пороге шутливым приветствием: «Ах вы, жулики!» А маленький Володя услышал и кинулся к соседу за помощью: «Дядя Яша, идите скорее, к нам жулики пришли!» Или: «Как-то на Новый год — ему было два года — мы все его просим: «Расскажи нам какой-нибудь стишок!» А он под елку, ноги вытянул, как будто он уставший, и говорит: «Дармоеды, дайте ребенку отдохнуть». Мама умилялась: «А если Семен Владимирович вставал к зеркалу побриться, Володя так хитровато

подглядывал и говорил: «Посмотрите, что творится! Наш козел решил побраться!»

*Смешно, не правда ли, смешно?..
И вам смешно, и даже мне...*

«Двести с лишним штук больших кубиков деревянных с картинками. Он строил из них замки, пароходы, потом были машинки, а гаражом была тумбочка — он букву «р» не выговаривал и произносил «га-аж». Потом ему подарили лошадку... Она была покрыта шкурой настоящей, со стеклянными глазами и на очень больших колесах, даже взрослые на ней катались... Кормил ее понарошку...

К двум годам говорил уже хорошо. И большие стихи знал. «Почемучку», «Детки в клетке» Маршака... Обязательно должен был встать на что-то высокое. Отбрасывал волосы назад, как настоящий поэт, и читал:

Климу Ворошилову письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов, народный комиссар...»

Мама всегда с охотой рассказывала о тех годах, были бы свободные уши. Всем моим женам, усмехнулся Владимир, услышав, как в кухне Нина Максимовна, угощая Марину чаем, усердно «просвещала» ее относительно «уникальных» способностей малолетнего чтеца-декламатора. Он не выдержал, заглянул к своим женщинам и с порога кухни завершил детское стихотворение взрослой при сказкой:

Климу Ворошилову письмо я написал.
А потом подумал — и не подписал!

— Да ну тебя, — махнула рукой мама. — Взрослым ведь и правда нравилось, как ты читаешь стихи, аплодировали, хвалили...

— Конечно, конечно, — тут же согласился сын. — И обещали присвоить звание народного артиста... Ну, ладно, антракт. Марин, поехали, нас Севка Абдулов уже заждался...

Он знал мамины рассказы наизусть, разнообразием они не отличались. А когда пытался выудить какие-то детали, она все повторяла без изменений, один к одному, как заученную роль:

«... Ему было около двух лет, когда отец купил ему клюшку и мячик. Вова ходил по комнате и приставал ко всем взрослым.

— Будем играть в хоккей! — произносит это взрослым грубоватым голосом.

Его отсылают к спящему на кровати дяде Яше. Володя берет клюшку, что, надо сказать, была выше его в полтора раза, и идет к дяде. Снова начинает свое монотонно-назойливое:

— Дядь Яш, а, дядь Яш, вставай. Вова хочет играть в хоккей!

В ответ — ноль реакции. Но невнимание заканчивается для соседа плачевно: Володя со всего маху пихает ему клюшку в самое уязвимое место.

— Ты что ж делаешь?! — в ярости вскакивает сонный дядя Яша.

— Вова хочет играть в хоккей...»

Наказывать? А как же, наказывала: «В угол ставила. А самой жалко его было. Он стоит в углу, бурчит себе под нос скороговоркой: «Я больше не буду». А мне хочется, чтобы он громко мне сказал. Я говорю: «Повтори, что ты сказал». — «Ничего не сказал». Гордый был очень...»

Мама вела привычные диалоги с собственной памятью, кружа хоровод воспоминаний, в котором один сюжет, послушный воле монтажера-невидимки, как в кино, сменялся другим: «Я очень увлеклась театром, но когда ребенок маленький, не очень-то пойдешь. Но все-таки я с ним очень рано начала ходить в театр. И эти походы никогда бесследно не проходили. Когда он возвращался, то дома перед большим зеркалом что-то изображал. На балет водила тоже... Когда домой приходили, то тоже пируэты какие-то делал... Мы устраивали разные спектакли. «Мужичок с ноготок», например. Володя надевал Семена Владимировича сапоги — они ему были до самой талии, — и он так чудно,